

Скопление культурных остатков и погребение в Костенках 15

Резюме. В работе рассмотрены материалы раскопок А. Н. Рогачева в Костенках 15 в 1952 году. Там было обнаружено скопление костей лошади и других животных, включавшее также изделия из камня и кости. На краю скопления находилось погребение ребенка. В литературе скопление фигурирует как возможные остатки жилища. Предполагается, что погребение находилось внутри него. Однако проведенный анализ приводит к выводу, что скопление появилось как результат деятельности людей под открытым небом на краю поселения. Не подтверждается предположение о наличии над могилой костно-земляного перекрытия.

Ключевые слова: верхний палеолит, Костенки 15, скопление культурных остатков, жилище, погребение.

Sergin V. Ya. Concentration of cultural remains and a burial at Kostenki 15. The paper deals with the materials of A. N. Rogachev's excavations at Kostenki 15 in 1952. Of particular interest is a concentration of cultural remains (animal bones, stone and bone artifacts) with a child's burial adjacent to it. According to a widely held view, the concentration may represent remains of a dwelling. As to the burial, it is usually thought to have been made within the dwelling. However, the author's analysis of the spatial distribution of finds leads him to a conclusion that the concentration formed as result of human activity under open sky at the periphery of the site. The hypothesis that the grave had a bone-earth cover is rejected.

Keywords: Upper Paleolithic, Kostenki 15, concentration of cultural remains, dwelling, burial.

Несмотря на раскопки многочисленных памятников, в верхнем палеолите Восточной Европы обнаружены лишь единичные погребения людей (Герасимова и др., 2007). Наибольшей полнотой и разнообразием деталей отличаются сведения о погребении в Костенках 15. Оно находилось в краевой части скопления костей животных и других остатков. Соображения о скоплении как свидетельстве наличия жилища и связи с ним погребения, высказанные в отчете и первых публикациях А. Н. Рогачева (Рогачев 1952а; 1955; 1957), сохраняются в литературе практически без изменений (Рогачев, Сеницын 1982; Рогачев, Аникович 1984; Sinitsyn 2004; Герасимова и др. 2007; Аникович и др. 2008). Однако пересмотр доступных данных приводит к иному взгляду на поселенческий контекст погребения и на некоторые детали захоронения.

Костенки 15 находятся на северо-западном склоне Тельманского мыса, обращенном к Александровскому логу. Открытие памятника связано с устройством

в 1951 году колхозного пруда. Тогда же проводились работы на нижних слоях Костенок 1. Они затянулись до поздней осени, не позволив провести исследование нового памятника. Были предприняты меры по креплению суглинка на месте выхода культурного слоя, но участок располагался в 10 м ниже плотины пруда, и весенний паводок 1952 года разрушил часть памятника (рис. 1). Раскопки были проведены в 1952 году. В отчете (Рогачев 1952а) и публикациях (Рогачев 1957; Рогачев, Сеницын 1982) преимущественное внимание уделено погребению и инвентарю памятника. Культурный слой описан очень кратко. В отчете детальнее рассмотрено лишь распределение костей животных на квадратах, частично занятых погребением, и охарактеризованы сборы с них. Имеются описи находок (Рогачев 1952б, 1952в) и планы культурных остатков, на которых изображены кости животных, камни и отдельные другие находки (ИИМК. Р-І. Ф. 1224).

Разрез один (ИИМК. Р-І. Ф. 1224. Л. 14). С некоторыми изменениями он опубликован А. Н. Рогачевым (Рогачев 1957: рис. 55) и приводится здесь (см. рис. 1). На месте раскопок под черноземом залегал лессовидный суглинок, разделенный посредине гумусированной толщей. По верху ее простирались линзы гумуса розоватого или кирпично-красного цвета. Культурный слой вначале был отнесен к толще гумуса (Рогачев 1952а: л. 20; 1957: 163), а затем к верхней части подстилающего ее суглинка с выходом отдельных предметов в низы гумусированной толщи (Рогачев, Сеницын 1982: 162). По современной стратиграфической схеме костенковских памятников Костенки 15 приурочены к верхней — средней части верхней гумусированной толщи (Аникович и др. 2008: 268).

В пробных раскопках по восточному краю размыва были собраны единичные находки. На западном его краю в раскопе площадью около 70 м² была обнаружена значительная линза культурных остатков. Подстилавшая ее поверхность имела наклон к северо-западу, составлявший 30–40 см. Культурные остатки лежали пластом, местами образуя нагромождения (рис. 2). Они концентрировались главным образом в границах квадратов 3–М, 21–25. Основная их масса состояла из костей животных. Целых костей было очень мало, среди них преобладали кости стоп лошади. Найдена 1501 определимая кость лошади от 11 особей. Еще 93 определимых кости принадлежали зайцу (28 от двух особей), бизону (29 от одной особи) и единичным особям волка, песца, мамонта, бобра, благородного оленя (Верещагин, Кузьмина 1977: 107). В целом имелось около 10 тыс. крупных и мелких обломков костей. Эти кости, множество мельчайших осколков костей, костная труха, кремневые и костяные изделия, комочки краски и угля насыщали линзу культурных остатков, мощность которой в центральных частях равнялась около 30 см и несколько больше. Залегание ее без смещения не вызывало сомнений.

Еще во время раскопок у А. Н. Рогачева сложилось мнение, что наиболее насыщенная часть культурного слоя представляла собой остатки жилища (Рогачев 1952а: л. 21, 22). Оно не изменилось и в дальнейшем: «Ярко выраженных признаков жилища здесь не сохранилось. Не удалось проследить жилое углубление и достоверные остатки очага, но условия залегания находок, их состав, обычный для основания жилищ, и безусловное залегание слоя *in situ* свидетельствовали о том, что они могли отложиться только внутри жилого помещения» (Рогачев, Сеницын 1982: 163). Граница сохранившегося культурного слоя, а с нею и граница жилища, не выходила за пределы 21-й линии квадратов (Рогачев 1957: 109). Данной интерпретации раскопанной части памятника придерживались и другие исследователи, обращавшиеся к материалам Костенок 15.

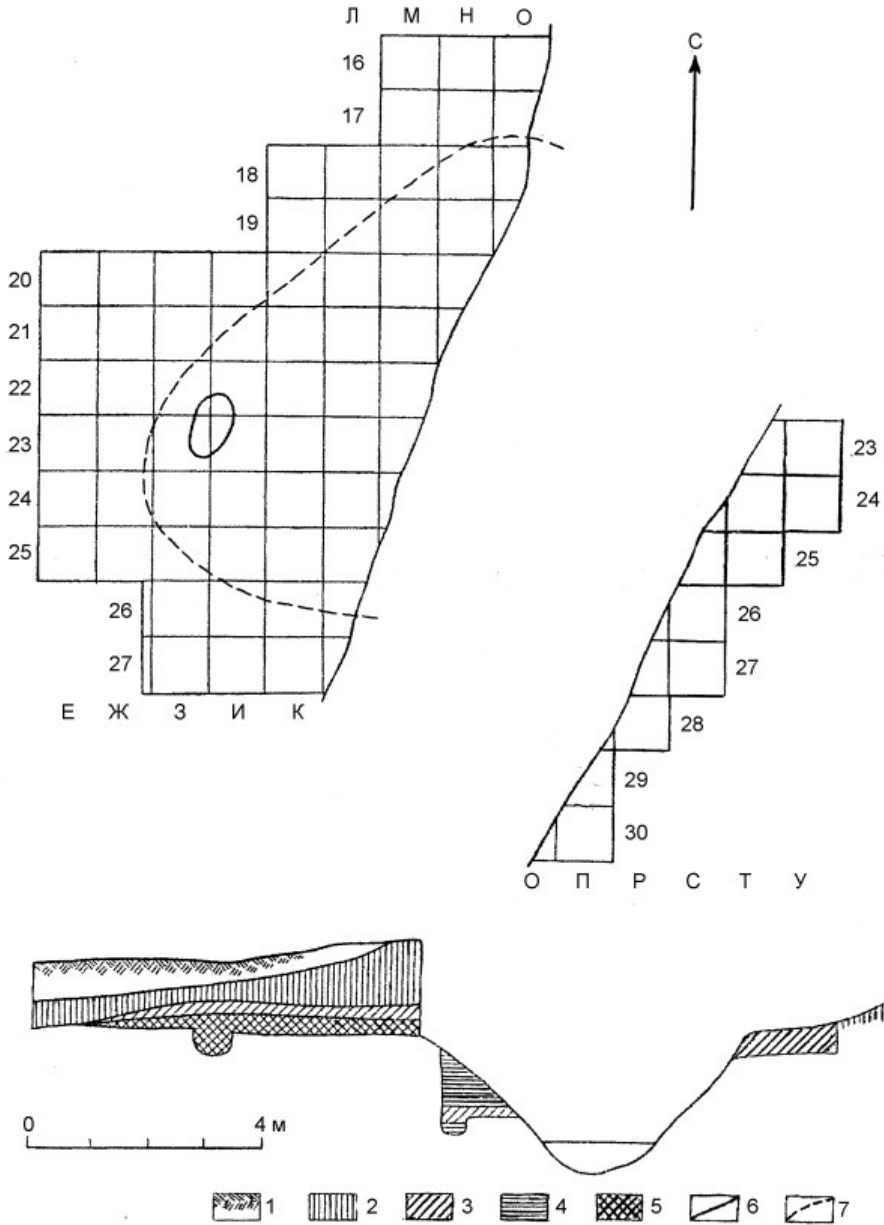

Рис. 1. План и разрез культурного слоя (по А. Н. Рогачеву, 1957). 1 — чернозем и горизонт В почвы; 2 — лессовидный суглинок; 3 — верхняя и нижняя толщи гумуса; 4 — серо-коричневый суглинок; 5 — культурный слой и могила; 6 — могильная яма; 7 — граница скопления культурных остатков

Fig. 1. Cultural layer plan and profile (after Rogachev 1957). 1 — chernozem and soil horizon B; 2 — loess-like loam; 3 — upper and middle humus layers; 4 — grey-brown loam; 5 — cultural layer and grave; 6 — grave pit; 7 — boundary of the accumulation of cultural remains

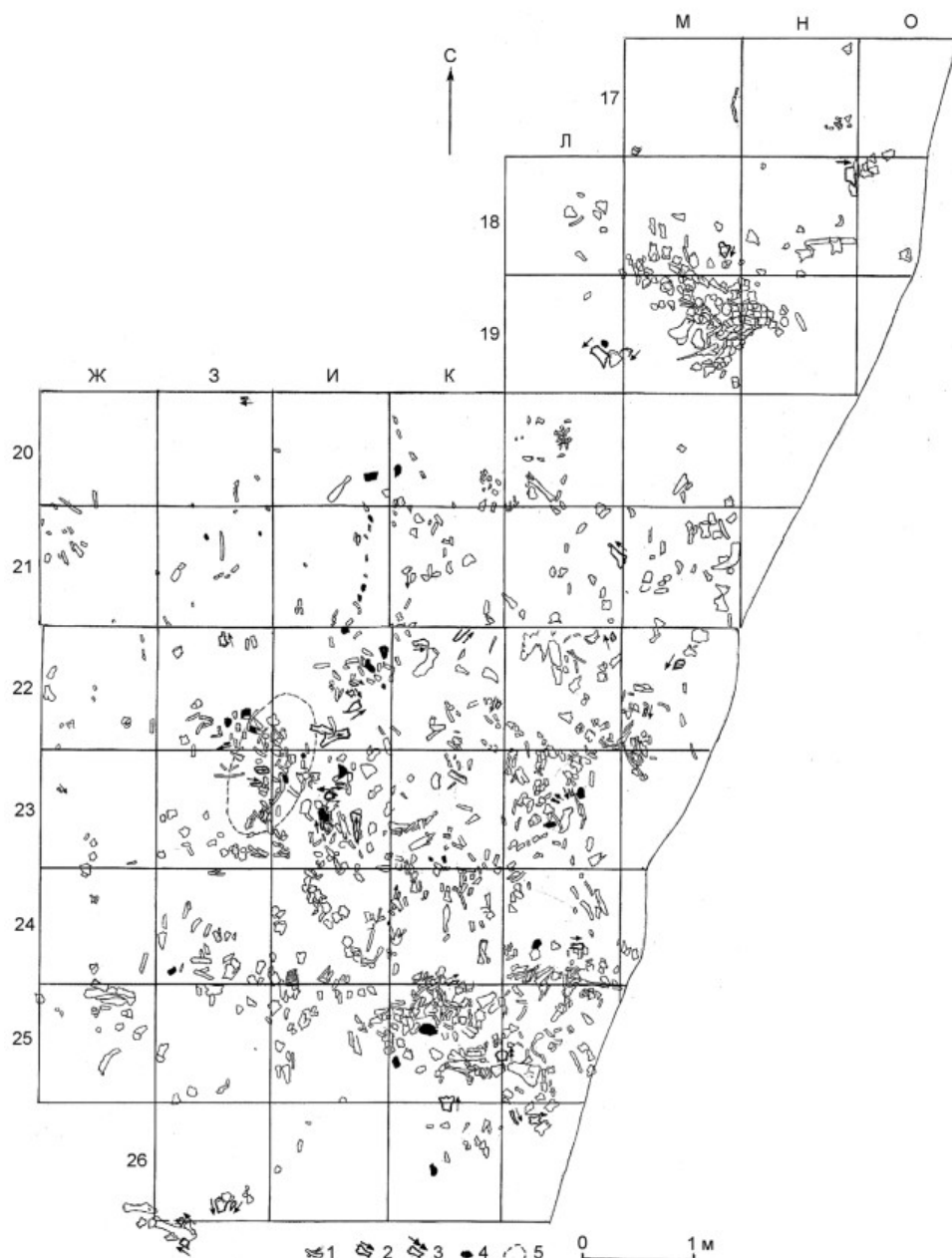

Рис. 2. План культурных остатков. 1 — кости животных; 2 — кость, залегающая с большим наклоном; 3 — кость в положении, близком к вертикальному; 4 — камень; 5 — граница погребальной ямы

Fig. 2. Distribution of cultural remains. 1 — animal bones; 2 — bone occurring with high inclination; 3 — nearly vertical bone; 4 — stone; 5 — grave pit limits

Могильная яма, как считается, была вырыта в полу жилища (Рогачев 1955: 30; Рогачев, Аникович 1984: 232; Аникович и др. 2008: 81).

Кроме основного скопления остатков, на котором и дальше будет сосредоточено все внимание, имелось небольшое северное скопление, включенное в общие границы распространения культурного слоя (см. рис. 1). По описанию в отчете (Рогачев 1952а: л. 24) оно занимало главным образом кв. М-19, немного выходя из него к востоку и северу, и в разреженном виде — к северо-западу, на кв. Л-18. Его основой служило углубление чашевидной формы диаметром 0,7 м и глубиной 0,2 м. От него к северо-западу, к тальвегу оврага, по относительно крутому склону тянулась неглубокая лощинка. В углублении кости залегали в виде кучи, а кости на кв. Л-18 производили впечатление вынесенных из него после размыва верха углубления. Всего имелось более 100 обломков и осколков определяемых костей лошади — фрагментов трубчатых костей, стоп, две анатомические группы позвонков и др. С ними сплошной массой залегало много мелких осколков костей лошади. Встречены кремневые и костяные изделия.

Залегание культурных остатков основного скопления на занятом им пространстве не было одинаковым. На северном и северо-западном краю наиболее насыщенного участка уклон древней поверхности резко увеличивался. Здесь более или менее разреженные находки фиксировались значительно ниже линзы и неглубоко от современной поверхности в рыжеватых суглинках подпочвы. На кв. Е-20 и Л-18 отдельные обломки костей плохой сохранности и кремни находились непосредственно под черноземом. На кв. К, Л-20 обломки развалившегося черепа лошади были растащены вниз по склону. На кв. И, К-20, 21 обломки костей и лопаточка из кости залегали цепочкой на крутом склоне — продолжении относительно ровной поверхности, подстилавшей скопление культурных остатков.

Влияние уклона древней поверхности достигало кв. И-22. Если в юго-восточной части квадрата культурные остатки находились в буром лесовидном суглинке, то в северо-западной половине — в рыжеватом суглинке подпочвы. Собранные в нем находки, согласно А. Н. Рогачеву, или отложились в процессе обитания за пределами жилища, или, скорее, были переотложены (Рогачев 1952а: л. 26). В основном в юго-восточной части квадрата, на глубине 172–195 см, встречены несколько костей стоп, два крупных обломка лопаток, обломок челюсти, позвонка, ребра, несколько костей стопы и копыта лошади, а также около 200 мелких осколков трубчатых костей, включая несколько костей мелких животных. Часть этих костей входила в скопление, занимавшее почти весь кв. И-23 у восточного края могилы. Другие находки с квадрата состояли из четырех скребков, 75 пластинок и отщепов, трех зубов песка с отверстиями и более 40 костных углей. В виде комочков попадалась желтая и красная краска. На границе кв. Л-21, 22 в небольшом углублении в полу встретилась часть черепа мамонта. Сохранность ее была плохая, как и других костей в этом месте.

На кв. И-23 на глубине 146–180 см залегал типичный для основной части раскопа культурный слой. Кости лошади включали три обломка челюстей, по два обломка бедер, плечевых и локтевых костей, обломок таза, более 10 зубов, 20 костей стоп, около 40 крупных и около 400 мелких обломков разных костей. Встречена плечевая кость зайца и пять осколков костей мелких животных. Сборы кремня состояли из четырех скребков, двух долотовидных орудий, 64 пластин и отщепов. Имелись несколько камней, клык песка с отверстием, 13 кусочков красной краски, два кусочка желтой и 126 мелких костных углей.

Значительно меньше вещей содержалось на кв. 3-23, где они залежали на глубине 152–181 см. Основная их часть находилась у юго-восточного края квадрата, продолжая небольшое скопление, имевшееся на кв. И-23. Из костей лошади здесь имелся обломок тазовой кости с вертлюжной впадиной, метаподий, пяточная кость, фаланга, позвонок, 11 костей стопы и несколько зубов. Более 30 относительно крупных фрагментов костей и более 250 мелких принадлежали не определенным крупным животным, семь осколков костей — мелким. Каменный инвентарь состоял из скребка-резца, трех скребков, шести отщепов с ретушью и 45 пластин и отщепов без видимых следов использования. Отдельные квадраты к востоку от описанных содержали местами значительно большее количество костей животных, кремневых изделий и угля. Максимально насыщенные, согласно отчету, были кв. К, Л-24, 25.

Рассмотрим ситуацию, опираясь на имеющиеся неполные, слабо детализированные и в ряде отношений малоизученные материалы. Указания на мощность и четкую выраженность линзы культурного слоя как свидетельство наличия жилища подразумевают, что интенсивное накопление культурных остатков происходило внутри жилища, а после его разрушения остатки удерживались на месте благодаря покрытию их конструкциями завалившихся стен. Однако, несмотря на большой объем кухонных отходов и изделий в линзе культурных остатков, усмотреть границу предполагаемого жилища не представляется возможным. Не случайно она не обозначена ни на архивных планах, ни в публикациях. На рис. 1 граница, определенная в подписи публикации как относящаяся к жилищу (Рогачев 1957: рис. 55), на самом деле охватывает участок с наибольшим количеством костей, включающий и основное скопление, и малое северное (Рогачев 1957: 109).

В анализируемом основном скоплении наибольшее количество культурных остатков содержалось на кв. 21–25, 3–М (Рогачев 1957: 108). Согласно планам, этот участок занимал пространство около 4 м ширины и 5–5,5 м длины, протянувшееся с ЮЮЗ на ССВ. К западу и северу концентрация убывала постепенно. У восточного края погребения и далее к юго-востоку, по дуге диаметром около 5 м, находились значительные сгущения костей. Это единственная деталь расположения костей, в которой, предполагая наличие жилища, можно было бы видеть его край. Сгущения костей западнее дуги представляли бы в таком случае накопления у его стены. Поскольку же погребение включается в границы жилища, край последнего с западной стороны должен был отстоять от дуги не менее чем на метр. В связи с этим очертания предполагаемого жилища теряют какую-либо опору в планиграфии костей краевой части скопления.

Саму группировку части костей по дуге в данном случае тоже едва ли можно считать серьезным признаком наличия остатков кольцевого сооружения, а не локальной деталью нагромождения костей. С южного края скопления, в отличие от западного, сгущения костей довольно расплывчаты. На северном краю положение костей разреженное, ориентиры для продления дуги отсутствуют. И совершенно неизвестно, насколько и в каком виде продолжалось скопление в размыве. Важно также то, что по своему составу сгущения краевой части ничем не отличались от внутренних. Все они рассматриваются как отложения на полу жилища. Крупные и более мелкие обломки костей беспорядочно громоздились в скоплении в виде куч, протягивались грядами, разнообразно рассредоточиваясь по площади. Уплотненные участки разделялись промежутками, содержащими лишь отдельные обломки костей. Подобная картина не наблюдалась

ни в одном надежно установленном палеолитическом жилище. Нагромождения костей не позволили бы полноценно пользоваться перекрытым пространством.

Имеется указание, согласно которому по краю скопления зафиксирован ряд вертикально торчавших длинных костей конечностей, нижние концы которых «как правило, уходили ниже основания культурного слоя, т. е. были врыты или забиты в пол жилища» (Рогачев, Синицын 1982: 163). На архивных планах отмечен стрелками наклон довольно большого числа костей. В двух случаях стрелки двойные, что означает максимально крутой наклон костей. Наклон отмечен у конечностей, крупных суставов, ребер, плоских костей. Иногда он направлен не по оси кости, а вбок. Глубина нижних концов или краев костей дана лишь в нескольких случаях у крупных костей. Наклон их обычно невелик, и кости не выходят за пределы слоя. Несколько крупных обломков костей конечностей наклонены суставом вниз. Поскольку они прорисованы до низа, и их наклон не был крутым, эти кости, скорее, также не погружались в древнюю поверхность. К тому же кости, вкопанные суставом вниз, редко встречаются на верхнепалеолитических поселениях. В связи со сказанным, данные кости, а также суставные, плоские кости и короткие наклонные обломки костей не учтены на плане вбитых или (маловероятно) вкопанных костей (рис. 3А). Попали на него фрагменты ребер и длинных костей конечностей. Углублявшиеся в пол кости имелись в основном в северной части скопления и разрозненно — южнее. Их относительно немного, они в основном сгущены на небольшой площади. Было бы неосторожно ставить их в связь друг с другом, пытаясь изобразить по ним схематический контур, и видеть в нем отображение края жилища. Вбитые кости имелись и вне скопления на месте каких-то рабочих точек. Вероятно, и в пределах скопления такие кости отражают частные эпизоды производственной деятельности. Не могли служить креплением края жилища и мелкие камни, встреченные в разных частях скопления (см. рис. 2).

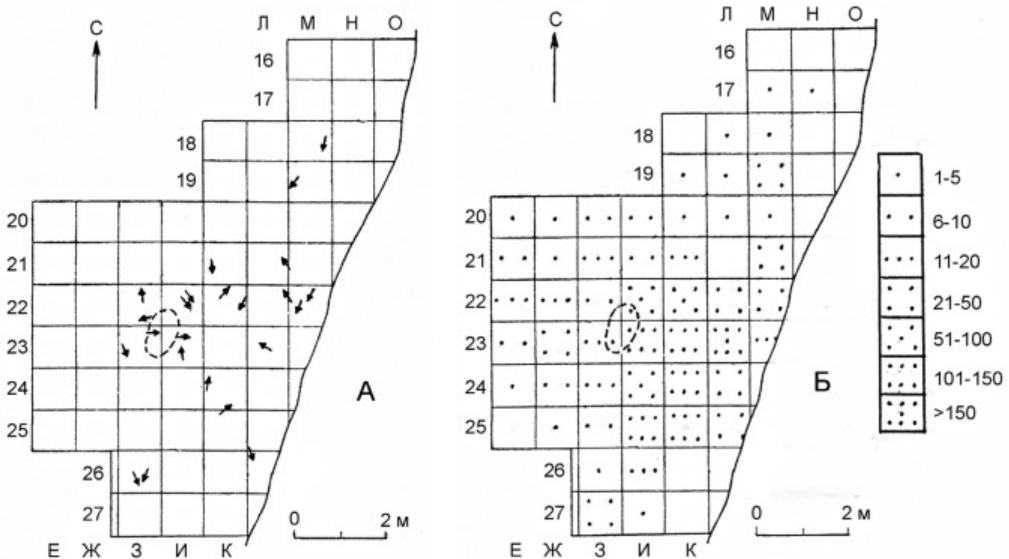

Рис. 3. А — вбитые кости. Б — костные и древесные угли

Fig. 3. A — bones driven into earth. Б — charred bones and charcoal

При отождествлении скопления костей и других остатков с развалом жилища имеет значение и период обитания на поселении. Фауна его изучена (Верещагин, Кузьмина 1977). Принимая во внимание наличие в Костенках 15 костей птиц и выкапывание ям, можно считать вполне достоверным обитание на поселении в теплое время года. Широкопалая лошадь, согласно суммарной характеристике ее многочисленных остатков из памятников верхней гумусированной толщи Костенок, могла добываться круглый год (Верещагин, Кузьмина 1982), волк и песец — скорее в холодное время года, бобр — при безледном состоянии водоемов. Возможно, участок использовался и в какой-то отрезок времени с отрицательными температурами. Само же количество костей крупных животных, включая мамонта, в одном скоплении свидетельствует о том, что пребывание людей в данном пункте едва ли было кратковременным или односезонным. Поэтому в скоплении, если на его месте находилось жилище, должен был иметься очаг.

Условия для сохранения очага были благоприятными. В аналогичной стратиграфической ситуации в значительно менее насыщенном костями втором культурном слое Костенок 8 очаги сохранились (Рогачев и др. 1982. С. 101, 108). В скоплении не встречены обожженные кости. На кв. Ж-23, 24 наблюдалась «как бы зольность». Не имея ясных границ, она заходила и на кв. З-24, ошибочно указанный в отчете как кв. И-24 (Рогачев 1952а: л. 23). Более четко выраженное пятно черной зольной массы с большим количеством древесного угля находилось на кв. Ж-27, за пределами линзы культурного слоя, где имелись единичные находки. Костные и древесные угли концентрировались в центральной части скопления (рис. 3Б), куда, по всей видимости, были привнесены извне.

Накопление значительного количества обломков костей и разнообразных изделий, если бы оно происходило в небольшом по площади жилище, свидетельствовало бы об интенсивной хозяйственно-бытовой деятельности его обитателей. Побочным ее результатом могла быть выработка пола в виде неглубокой пологой западины. А. Н. Рогачев, как упомянуто, имел в виду это обстоятельство, но отметил отсутствие какой-либо углубленности пола под линзой культурных остатков (Рогачев 1952а: л. 22; Рогачев, Сеницын 1982: 163).

Таким образом, основная концентрация культурных остатков Костенок 15 не содержит свидетельств, которые позволили бы видеть в ней остатки жилища. Несмотря на относительную длительность формирования, она залегает, не углубляясь, границы ее нечетки и не имеют надежно устанавливаемых следов конструкций. Отсутствует очаг или кострище. Нагроможденность костей, составляющих скопление — признак, не подтверждающий наличия остатков жилища на его месте.

Рассмотрим распространение кремневых и костяных изделий и охры на планах, составленных на основе описей. Каменных орудий в описях числится меньше, чем в публикации (Рогачев, Сеницын 1982: 165–171), что связано, по-видимому, с предварительным определением их в описях. После обработки коллекции в ней насчитывалось 188 предметов со вторичной обработкой (11,6 % инвентаря): 85 скребков, 53 долотовидных орудия, 12 орудий с резцовым сколом, скребла и другие изделия. В планиграфическом распределении предметов данной категории (рис. 4А) не наблюдается соответствия количественному содержанию костей на квадратах. Так, на участке, наиболее изобилующем костями, относительно много кремневых орудий имелось лишь на кв. К-25, а на кв. Л-24 они отсутствовали. В целом в пределах скопления костей заметны три пятна с повышенным количеством кремневых орудий: по краям погребения,

на кв. Л-23 и у южного края скопления, на кв. И, К-25. К западу и к северо-западу от скопления, а также в маленьком северном скоплении относительное количество орудий было в среднем не меньшим, чем в основном скоплении остатков. Изделия без вторичной обработки распространялись шире (рис. 4Б) и имели увеличенную, по сравнению с костями, концентрацию к западу от погребения. Суммарно повышенная концентрация кремневых материалов совпадала с центральной частью скопления костей и в несколько ослабленном виде продолжалась к западу, уходя в стенку раскопа. Встреченные в раскопе камни имели небольшие размеры. Более половины из них находились около могилы и над ней, а остальные вблизи края размыва. Характерна связь камней с отдельными нагромождениями костей в пределах общего скопления остатков (см. рис. 2).

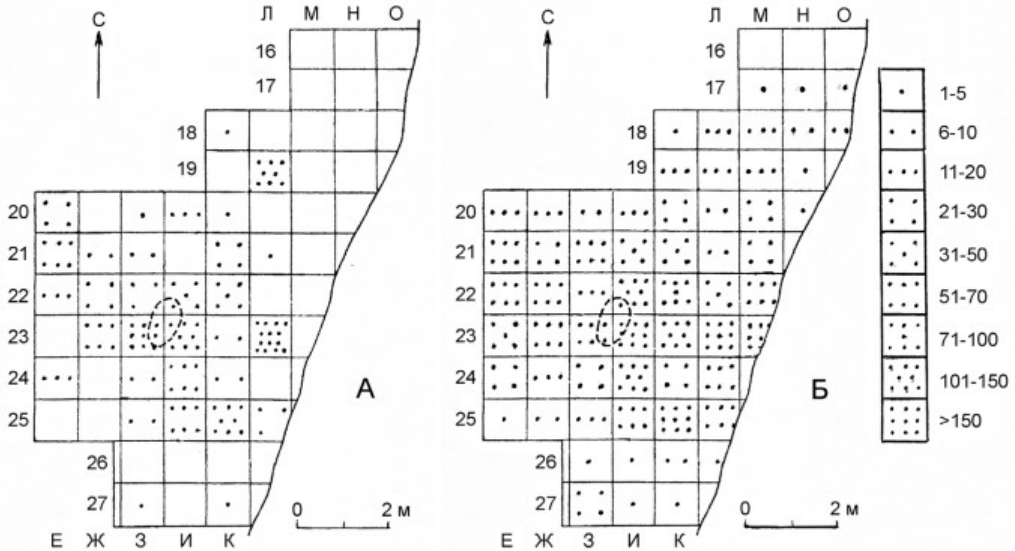

Рис. 4. Распределение кремневых изделий. А — изделия с обработкой (по числу точек на квадрате). Б — изделия без обработки

Fig. 4. Distribution of flint artifacts. А — articles with secondary treatment (their quantity corresponds to the number of dots per square). Б — articles without secondary treatment

Обломки костяных изделий (лопаточек, лоцил, острый или шильев, игл, неопределенных предметов), а также зубы песка с просверленными отверстиями почти полностью приурочены к наиболее насыщенной костяной части культурного слоя и к северному скоплению костей (рис. 5А). Положение этих предметов, как и кремневых изделий, в толще культурного слоя не отмечено.

Охра (желтая и красная краска) встречалась в виде пятен и комочков. Пятна красной краски часто наблюдались на кв. З-М, 21-25, то есть на пространстве с наиболее мощным культурным слоем. Ниже по склону они были редки. Количество комочков краски на квадрате в некоторых случаях указано в описях, но чаще в них стоит слово «несколько». Одни и те же квадраты, должно быть, по мере поступления находок с раскопа или фиксации в описи привезенных

с поля вещей, расписаны неоднократно (Рогачев 1952в). Поэтому в ряде случаев по одному и тому же квадрату слово «несколько» встречается 2–3 раза. Оценить эти указания количественно невозможно. Некоторое число комочков краски имелось почти на каждом квадрате центра скопления (рис. 5Б).

Присутствие охры, как и кремневых материалов, на западных квадратах связано с первоначальным залеганием ее на этой площади. Повышенное содержание ее на северных квадратах, ввиду отделенности охры пустым участком от основной концентрации, располагавшейся южнее, свидетельствует, скорее, не о смыве ее к северу, а об использовании охры вне скопления.

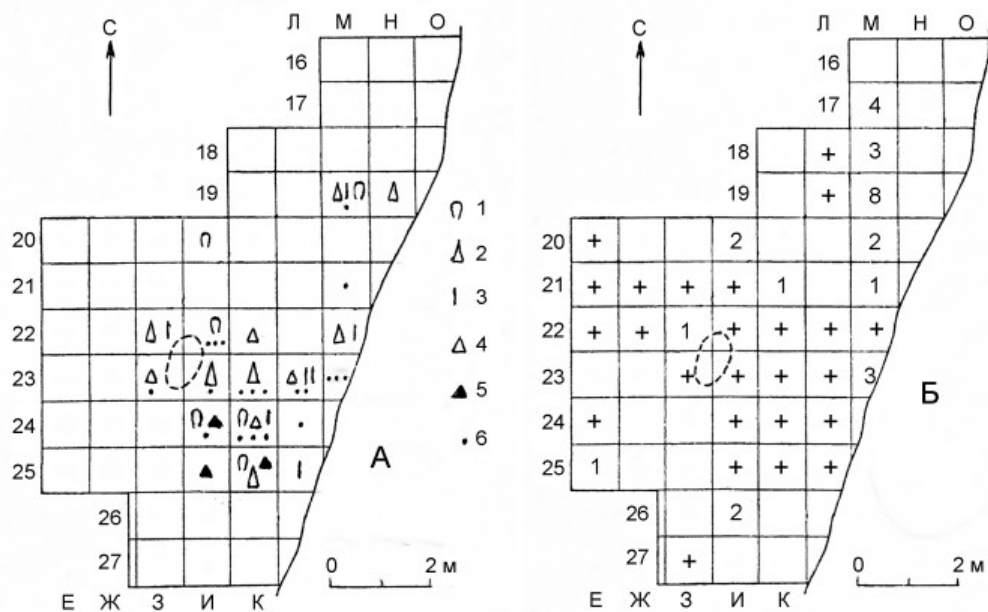

Рис. 5. Распределение предметов. А — изделия из кости: 1 — обломок лопаточки или лощила; 2 — острие или шило; 3 — игла; 4 — неопределенное изделие; 5 — несколько неопределенных изделий; 6 — просверленный зуб песца. Б — красная и желтая краска: число указывает количество комочков, крест — несколько комочков

Fig. 5. Distribution of some objects. А — bone articles: 1 — fragment of a shovel or polisher; 2 — point or awl; 3 — needle; 4 — unidentifiable object; 5 — several unidentifiable objects; 6 — perforated polar fox tooth. Б — red and yellow paint (figures indicate the number of pieces, cross stands for several pieces)

Наиболее четкую концентрацию образовывали костяные изделия и просверленные зубы песца. Если бы материалы памятника составляли только эти предметы и кремневые изделия, можно было бы предполагать, что концентрация их восточнее могилы обуславливалась наличием легкого сезонного жилища. Но, как отмечено, детали комплекса, более непосредственно касающиеся проблемы жилища, не подтверждают наличия его остатков, в связи с чем размещение данных предметов должно получить какое-то иное объяснение.

Наиболее характерным местом скопления изделий из кости, бивня, раковин и других выделяющихся вещей является, помимо интерьера палеолитического

жилища, участок перед его входом. Скопление изделий Костенок 15 не соответствует данной детали жилищно-хозяйственного комплекса. Оно имеет изолированный характер, будучи самостоятельным объектом. В целом скопление не имеет близких аналогий. По разнообразию содержащихся в нем культурных остатков оно напоминает некоторые прижилищные концентрации (Шовкопля 1965: 36–39; Сергин 2003). По доминированию обломков костей скопление ближе к объектам, связанным, вероятно, главным образом с разделкой туш животных (Левицкий 1947; Iakovleva, Djindjian 2005). Возможно, что комплекс материалов скопления формировался не одновременно. Вначале могли отложиться костяные изделия, раковины, охра, которые, вероятно, имели какое-то отношение к совершению захоронения. С периодом освоения участка могли быть связаны также вбитые кости, и в основном после этого площадка заполнилась костями.

Погребение было открыто в начальный период работ, когда раскоп ограничивался пределами кв. 3, Л — 22, 25. В зондаже за его краем, на кв. 3-21, прослеживалось крутое, согласное современному склону падение суглинка. Культурные остатки под ним залежали в смещенном положении. Возник вопрос: нет ли переотложенных находок под культурным слоем в раскопе? Был углублен кв. И-22, и в 25 см ниже пола встретился череп человека. Некоторые признаки указывали на открытие захоронения (Рогачев 1952а: л. 31). Уровень залегания костей в непосредственном окружении могильной ямы и над нею (рис. 6) совпал. Не имел принципиальных различий и состав костей. Здесь также без видимого порядка залежали обломки ребер, костей конечностей и прочих частей скелета лошади и других животных. Наибольшее количество костей было встречено над восточной стороной средней части могилы. В этом месте группа костей погружалась в могильную яму. С запада на уровне верха культурного слоя лежал крупный обломок подвздошной части тазовой кости лошади. В ее основании находились два небольших камня. Ниже и восточнее плотно залежали кости лошади. У восточной стенки могилы группа костей оканчивалась крупным обломком рога бизона с приостренным концом. Конец рога был на 10–12 см выше скопления желтой глины на дне могилы, а другие кости отстояли от дна на 20–23 см.

Западание грунта вдоль других краев заполненной могилы было менее значительным. Оно оставило след в виде не столь глубоко, но круто уходивших вниз костей. С северной и южной сторон в контуре погребения культурный слой содержал меньше костей, чем в восточной части. Некоторые обломки костей, имевшие здесь заметный наклон, возможно, не достигали даже подошвы культурного слоя, так как залежали с самого его верха. Западнее значительно западавших костей у дна могилы лежала неполная лопатка мамонта, непосредственно прикрывавшая часть скелета ребенка (рис. 7). У северо-восточного ее края и частично под ним в качестве предмета сопровождающего инвентаря на планах погребения изображено длинное ребро животного (Рогачев 1957: рис. 55; Рогачев, Синицын 1982: рис. 15). Оно не упомянуто в комментариях и в отчете. Вероятно, ребро появилось там вместе с лопаткой.

Расчистка могилы проводилась по методу разборки ям: от середины к краям (Рогачев 1952а: л. 31, 32). В связи с этим находки из заполнения могилы описаны вместе с частью предметов из культурного слоя. В суглинистом заполнении встречались мелкие обломки плоских и трубчатых костей, позвонков, суставные, пяточные кости, зубы, мелкие осколки костей. В нем содержались также десятки комочков краски, многие десятки костных углей и несколько десятков кремневых изделий. В промывке грунта, снятого при зачистке краев ямы,

собрано 50 чешуек кремня, 80 мелких и мельчайших костных углей, 20 комочков красной и желтой краски и около 200 мелких осколков костей. В суглинке на дне ямы находок было значительно меньше. Здесь имелись лишь редкие обломки и осколки костей и костные угли (Рогачев 1952а: л. 31–36). Таким образом, заполнение ямы было сходно с характерным для памятника культурным слоем, в котором, однако, отсутствовали крупные кости, исключая особо крупные — лопатку и ребро мамонта.

Погребение описано в ряде работ (Рогачев 1955: 30, 31; 1957: 109–111; Рогачев, Сеницын 1982: 163, 164; Рогачев, Аникович 1984: 232; Герасимова и др. 2007: 102–107; Аникович и др. 2008: 137–140). Размеры могильной ямы составляли 1,24 × 0,8 × 0,43 м. На ее дне, густо окрашенном красной и желтой краской, обнаружен скелет ребенка 6–7 лет, лежавший в южной половине ямы на левом

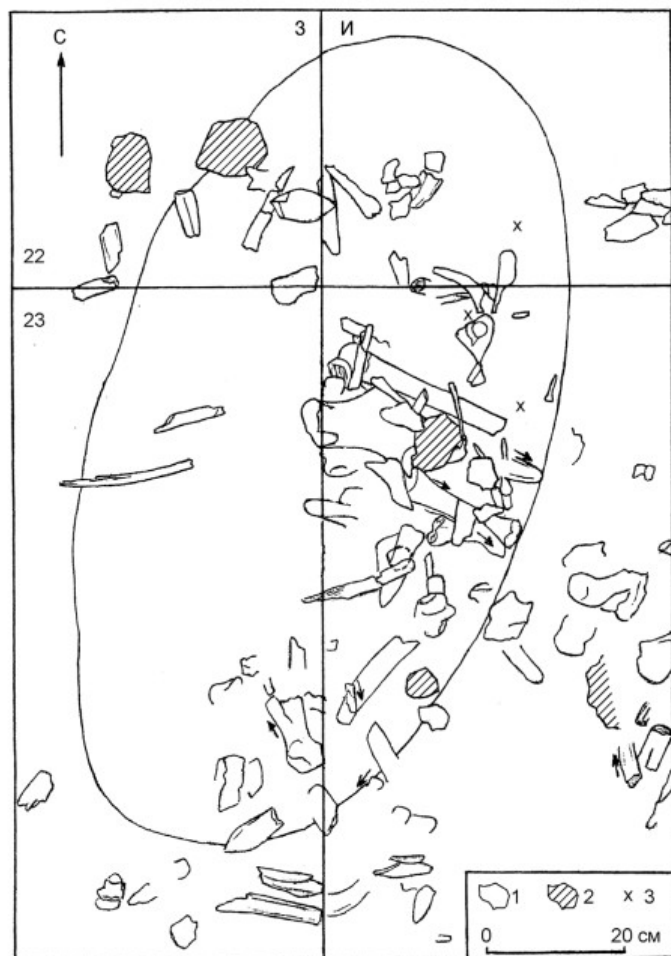

Рис. 6. Культурный слой над погребением: 1 — кость; 2 — камень; 3 — кремневое изделие

Fig. 6. Cultural layer above the burial: 1 — bone; 2 — stone; 3 — flint artifact

боку с поджатыми ногами (см. рис. 7). Нижняя часть позвоночного столба и тазовые кости разложились. Сохранившиеся позвонки находились в анатомической связи. Под правым бедром лежала перевернутая нижняя челюсть, а череп находился в северном конце ямы. Около бедер лежали костяная игла без ушка

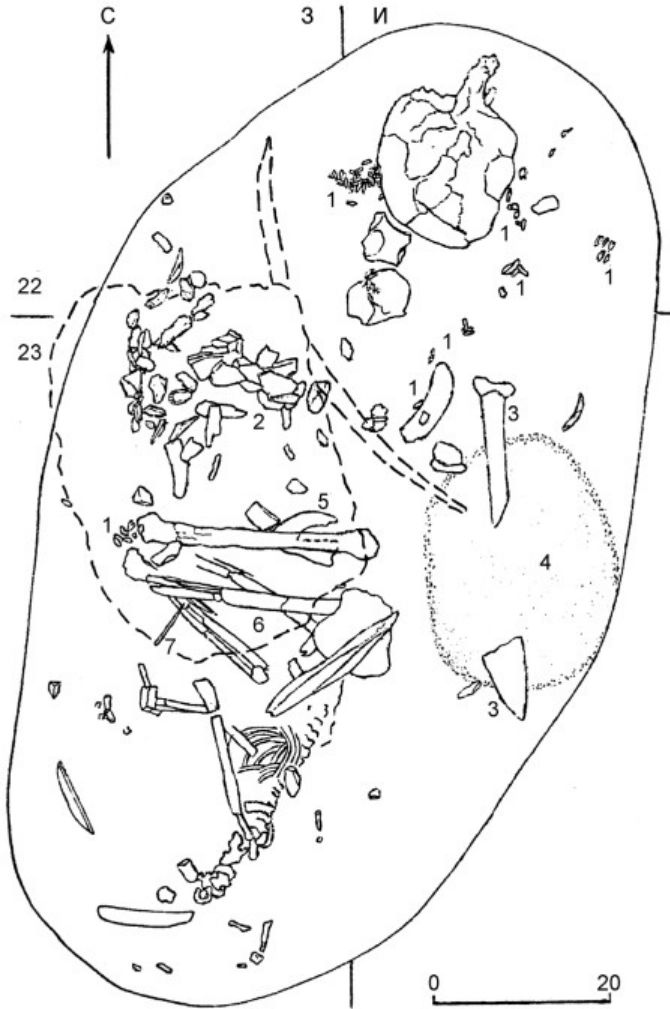

Рис. 7. Погребение: 1 — просверленные зубы песца; 2 — кремневые изделия; 3 — костяной нож; 4 — куча ярко-желтой глины над ямкой; 5 — нижняя челюсть; 6 — лошило; 7 — костяная игла. Штриховой линией обозначены лопатка и ребро мамонта, лежащие поверх костей человека

Fig. 7. Burial: 1 — perforated polar fox teeth; 2 — flint artifacts; 3 — bone knife; 4 — pile of bright-yellow clay above a small pit; 5 — lower jaw; 6 — polisher; 7 — bone needle. The punctuated line marks mammoth shoulder blade and rib overlying human bones

и ложило, перед коленями — маленькая кучка просверленных зубов песка, а севернее их — 63 кремневых изделия, включая 10 скребков, проколку и отщеп с резцовым сколом. Возле свода черепа находилась плотная группа просверленных зубов песка. Небольшие группы и единичные просверленные зубы протянулись от противоположной стороны черепа к югу. Всего просверленных зубов песка было около 150. У восточного края могилы был найден костяной нож. Он лежал на кучке ярко-желтой глины, возвышавшейся на 4–5 см над плоским дном. Средняя часть ножа не сохранилась. На уровне дна под кучей прослойка красной краски была более мощной, чем на остальной площади. Ниже имелась ямка глубиной 10–11 см. В ней линза сеноманского песка толщиной 2–3 см прикрывала заполнение из той же ярко-желтой глины.

А. Н. Рогачев, а за ним и другие исследователи предполагали, что захоронение не было засыпано землей, а находилось в примитивном склепе с костно-земляным перекрытием. Причем из костей, входивших в конструкцию, указана только лопатка мамонта, обнаруженная у дна могилы. Покойник в сидячей, сильно скорченной позе был помещен на кучу желтой глины с положенным на нее костяным ножом. Нож истлел в средней части, а с разложением трупа упали вниз голова, нижняя челюсть и корпус умершего. Предполагается, что падение трупа могло произойти вследствие удара свалившейся сверху лопатки мамонта.

При прочтении автором настоящей работы доклада о Костенках 15 в Отделе каменного века ИА РАН была высказана мысль, что в действительности в могиле могло быть совершенно захоронение расчлененного трупа, а остатки ножа при внимательном рассмотрении могут оказаться его обломками, а не частями, сохранившимися от разложения. Возникшие сомнения должно разрешить специальное обследование основания черепа и шейных позвонков скелета. Так или иначе, но принятая в литературе точка зрения на захоронение, видимо, не вполне убедительна и нуждается в дополнительном обосновании. Необходимо отметить, что вторичное положение трупа в могиле связано не только с его падением на дно могилы. Он лежал не менее чем в 15 см к западу от кучи глины, на которую предположительно был посажен. Это не могло произойти лишь в результате его падения. По-видимому, труп переместили к середине могилы. В случае расчленения трупа нет необходимости допускать ни его падение, ни перемещение, что усиливает эту версию. Но традиционная точка зрения может быть подкреплена археологически более убедительно.

О первоначальном положении трупа, кроме вероятной связи с ним разрушения середины ножа, свидетельствует место обнаружения нижней челюсти. До ее отпадения голова должна была находиться по вертикали над ней, что согласуется с сидячим положением трупа спиной к стенке могилы. О том, что голова действительно упала из пространства над лежавшей челюстью и затем скатилась в северный конец могилы, можно судить по приуроченности просверленных зубов песка, по всей вероятности, прикрепленных к головному убору ребенка. Они находились между кучей желтой глины (сиденьем) и черепом, а также вокруг него, указывая на траекторию движения головы.

Исходно сидячее положение корпуса покойника подтверждается также тем, что его ребра зафиксированы в виде кучки в нижней части груди. Просесть вниз они могли лишь при вертикальном положении грудной клетки. У лежащего трупа ребра остались бы на месте своего прикрепления. Как кажется, и размещение средств жизнеобеспечения, приданных покойнику, в большей мере

соответствует устанавливаемому положению его тела. Они располагались компактно в средней части могилы: желтая глина и костяной нож под ним, кремневые изделия, ложило и игла перед его коленями или на них (ложило и игла). Недостаточно ясно происхождение кучки просверленных зубов песка, лежавших перед коленями трупа. До его падения колени возвышались над тем местом, где раньше или позже зубов песка оказалась нижняя челюсть. Наиболее вероятно, что зубы сорвались с головного убора до падения трупа и упали на место, где зафиксирована челюсть. После падения трупа при его перемещении могли быть сдвинуты и зубы.

Заполнение могилы, достигнув в средней части уровня поверхности, возле стен понижалось. Это обусловило наклонное положение некоторых костей в заполнении могилы, включая группу костей лошади, принятую А. Н. Рогачевым за провал перекрытия.

Единственной костью, названной в связи с предположением о наличии над могилой костно-земляного перекрытия, является лопатка мамонта, лежавшая в средней части могилы на костях скелета ребенка. Едва ли есть необходимость устанавливать, каким образом выпавшая из кровли лопатка, свалив труп, упала не рядом с ним или под него, а в горизонтальном положении аккуратно прикрыла часть трупа. Ни в заполнении могильной ямы, ни вокруг нее каких-либо следов надмогильного сооружения не обнаружено. Вместе с тем нет оснований сомневаться в том, что лопатка и ребро мамонта были намеренно положены на труп ребенка. Эти кости своими размерами и принадлежностью мамонту резко выделялись среди массы фрагментированных костей более мелких животных в скоплении. Значение их могло быть сходным с тем, какое имели кости, перекрывавшие могилу ребенка в Костенках 18. Там кости мамонта являлись основой конструкции (Рогачев, Беляева 1982: 189) — реального покрова, завершавшего подготовку ребенка к инобытию. В Костенках 15 кости мамонта, положенные на покойника, вероятно, символизировали ритуально сходный момент. Начиная с него или после засыпки могилы ее статус сближился с тем, который имели окружающие участки. Как и они, место с могилой вошло в зону активной хозяйственной деятельности. Если погребение было совершено вскоре после оттаивания почвы, цикл связанных с ним событий мог завершиться в том же году. Если же ребенка захоронили в середине или конце теплого времени, под завалом костей могила оказалась, вероятно, уже в следующем году.

Погребальный обряд городцовской культуры известен лишь по одному данному образцу. Судя по украшению головного убора зубами песка, ребенок был захоронен в праздничном уборе. Его снабдили орудиями и оружием. Содержимое ямки под сиденьем, возможно, было материалом технологического или, скорее, ритуального назначения. В этих деталях отражается стремление создать максимально благоприятные условия для обитания покойника в ином мире. К элементам той же подготовки могло относиться помещение трупа в могилу в сидячем положении. В отличие от лежачего положения, связанного со сном и смертью, оно могло выражать дееспособность индивида, что возможно, подчеркивал и положенный под труп нож.

Не имеющей аналогий деталью погребения является восстанавливаемое сидячее положение трупа не вдоль, а поперек могилы, спиной к ее стенке. Это ускользает от внимания, затушевываясь фактической фиксацией скелета на дне ямы, где его кости простираются по всей ее длине. Покойник и приданные ему вещи первоначально занимали меньшую часть могилы, едва ли не треть ее,

и для его захоронения хватило бы небольшой ямы. Но яма вырыта в размерах, достаточных и удобных для помещения покойника в лежачем положении вместе с сопровождающими его вещами. Трудно найти объяснение этой ситуации. Возможно, решение поместить покойника в могилу в сидячей позе возникло после того, как была выкопана могильная яма. Или же могила удлиненной формы, являясь традиционной, использовалась независимо от того, по какому варианту погребального обряда происходило захоронение.

Инвентарь погребения нуждается в новых исследованиях, которые могли бы ответить на ряд вопросов. Нет ли следов использования на каменных и костяных изделиях? Какой спектр работ могли они обеспечить? Что можно сказать в связи с этим о целесообразности или случайности набора каменных изделий? Нет ли в нем подбирающихся предметов, что говорило бы о его единстве? Изолирован ли этот комплекс от каменного инвентаря из культурного слоя, то есть готовился ли он в другом месте, или между инвентарями имеются связи? Если они присутствуют, как распространялись связи по раскопу?

Таким образом, рассмотрение линзы культурных остатков в Костенках 15 не обнаружило надежных свидетельств существования жилища. По составу и планиграфии костей животных и мелких культурных остатков, сложенному культурного слоя, отсутствию очага, конструктивных деталей, а также и по топографическому положению линзы, она представляла собой участок на краю поселения, использовавшийся для хозяйственной деятельности. Захоронение было произведено на самом конце пологого склона, на грани его резкого падения, то есть на самом отдаленном от жилья месте поселения. Подкрепляются соображения, согласно которым первоначально покойник был посажен спиной к стенке могилы. Прослеживаются изменения в положении трупа и отдельных костей в могиле. Могила была, вероятно, открытой или имела навес. После того как на лежавший труп была положена лопатка мамонта, могила, должно быть, перестала восприниматься как сакральный объект. Ее забрасывали мусором, а затем на участок с нею распространился культурный слой.

Литература

- Аникович М. В., Попов В. В., Платонова Н. И. 2008. Палеолит Костенковско-Борщевского района в контексте верхнего палеолита Европы. СПб.: Нестор-История.
- Борисковский П. И. 1963. Очерки по палеолиту бассейна Дона. Л.: Наука (МИА 121).
- Верещагин Н. К., Кузьмина И. Е. 1977. Остатки млекопитающих из палеолитических стоянок на Дону и верхней Десне // Труды Зоологического института АН СССР 72, 77–110.
- Верещагин Н. К., Кузьмина И. Е. 1982. Фауна млекопитающих // Праслов Н. Д., Рогачев А. Н. (ред.). Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879–1979. Л.: Наука, 223–231.
- Герасимова М. М., Астахов С. Н., Величко А. А. 2007. Палеолитический человек, его материальная культура и природная среда обитания. СПб.: ИИМК РАН.
- Левецкий І. Ф. 1947. Гонцівська палеолітична стоянка // Палеоліт і неоліт України. Т. 1. Київ: АН УРСР, 197–247.
- Рогачев А. Н. 1952а. Отчет о работах палеолитической экспедиции в Костенках в 1952 г. // НА ИИМК. Ф. 35. Оп. 1. № 3.
- Рогачев А. Н. 1952б. Костенки XV. Описание пакетов // НА ИИМК. Ф. 35. Оп. 1. № 4.
- Рогачев А. Н. 1952в. Палеолитическая (Костенковская) экспедиция // НА ИИМК. Ф. 35. Оп. 1. № 86.

- Рогачев А. Н.* 1955. Погребение древнекаменного века на стоянке Костенки XIV (Маркине Гора) // СЭ 1, 29–38.
- Рогачев А. Н.* 1957. Многослойные стоянки Костенковско-Борщевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // МИА 59, 9–134.
- Рогачев А. Н., Аникович М. В.* 1984. Поздний палеолит русской равнины и Крыма // Борисковский П. И. (ред.). Палеолит СССР. М.: Наука, 162–271.
- Рогачев А. Н., Аникович М. В., Дмитриева Т. Н.* 1982. Костенки 8 (Тельманская стоянка) // *Праслов Н. Д., Рогачев А. Н.* (ред.). Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879–1979. Л.: Наука, 92–108.
- Рогачев А. Н., Синицын А. А.* 1982. Костенки 15 (Городцовская стоянка) // *Праслов Н. Д., Рогачев А. Н.* (ред.). Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879–1979. Л.: Наука, 162–170.
- Сергин В. Я.* 2003. Супонево: внежилищный участок. Структура поселения // РА 3, 14–27.
- Iakovleva L., Djindjian F.* 2005. Le site paleolithique de Gontsy (Ukraine) et les sites a cabanes en os de mammoths du paleolithique superieur d'Europe Orientale: Les campagnes de fouilles 1993–2005 a Gontsy. Kiev: Service de Cooperation et d'Action Culturelle de l'Ambassade de France en Ukraine, 27.
- Sinitsyn A. A.* 2004. Les sépultures de Kostenki: chronologie, attribution culturelle, rite funéraire // La spiritualité. Actes du Colloque international de Liège (10–12 decembre 2003). ERAUL 106. Liège: l'Université de Liège, 237–244.